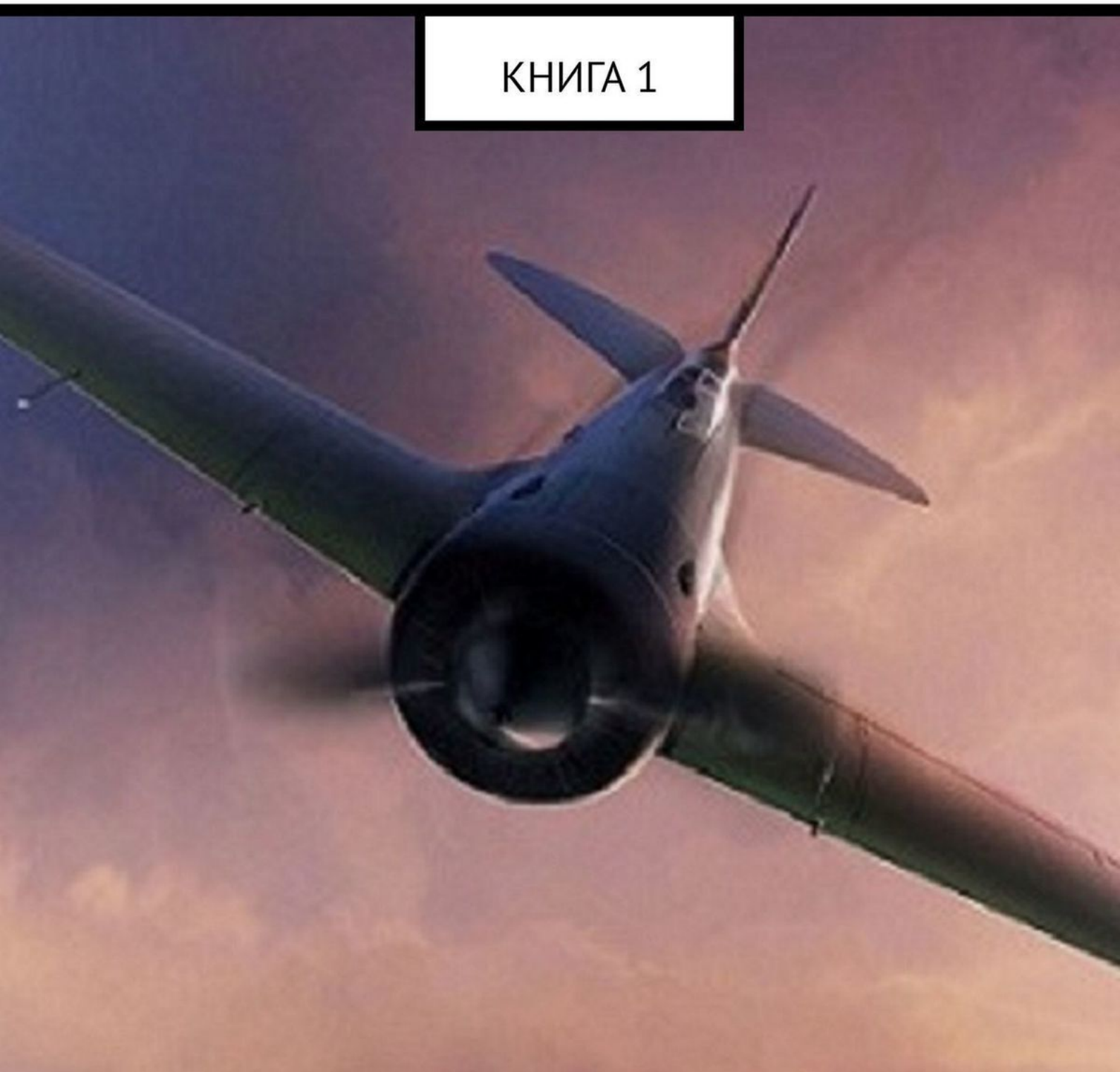

ВИКТОР МУЗИС

Рассказы о былом

КНИГА 1

Виктор Музис

Рассказы о былом. Книга 1

«Издательские решения»

Музис В.

Рассказы о былом. Книга 1 / В. Музис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937942-9

В книге 12 рассказов: фронтовая история, эпизод в «Доме на Набережной», криминальный случай в детстве, история о малом бизнесе, из жизни кошек, я и комсомол, бывает же такое, встреча с двумя знаменитостями, медицинская история, рассказ-предупреждение о мошенниках в интернете и совет школьным учителям. Тексты сопровождаются ч/б и цветными фотографиями из коллекции автора, его коллег и приятелей, и из интернета со свободным доступом.

ISBN 978-5-44-937942-9

© Музис В.
© Издательские решения

Содержание

САМОЛЕТ СЕЛ... А ЛЕТЧИКА НЕТ...	6
БОРИС... ТЫ ЕЩЕ ЖИВ...	9
(эпизод в Доме на набережной)	9
ПОДЖЕГ...	12
(когда мы были балбесами)	12
М О Я А Р М И Я	14
ВСТУПЛЕНИЕ	14
КУРЬЕЗ – 1. Призыв. Дорога...	15
КУРЬЕЗ – 2. В «учебке»	17
КУРЬЕЗ – 3. Обучение. Забег на 3 и 6 км.	20
КУРЬЕЗ-4. Карабин 5.6 мм.	23
КУРЬЕЗ – 5. С кинокамерой...	25
КУРЬЕЗ – 6. ПРИЕМ В КОМСОМОЛ...	27
КУРЬЕЗ – 7. Сдача крови. Отпуск	28
КУРЬЕЗ – 8. В гарнизоне	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рассказы о былом Книга 1

Виктор Музис

© Виктор Музис, 2024

ISBN 978-5-4493-7942-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0062-8862-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

САМОЛЕТ СЕЛ... А ЛЕТЧИКА НЕТ...

(фронтовая история)

Это было в первый год войны. Подбитый «ястребок» заходил на посадку на полевой аэродром... Летчик, видимо, был ранен, или машина его была здорово подбита, но видно было, что тянул он ее то ли из последних сил, то ли из последних возможностей. Покачиваясь с крыла на крыло машина неровно шла на посадку...

На летное поле выскочили механики и обслуживающий персонал, а к предполагаемому месту посадки понеслись «пожарная» и «медпомощь»...

Коснувшись грунта, машина, подпрыгивая, понеслась по полосе... дала «козла»... скапотировала... и встала опять на колеса. Летчик при этом вылетел из кабины – толи уже растегнул ремни во время посадки, толи непосредственно перед ней.

Когда машины подкатили к севшему самолету и все бросились к пострадавшему пилоту, они обнаружили его растерянно обходившим самолет, недоуменно глядящим на пустую кабину и приговаривающим:

– Самолет сел... А летчика нет...

Глаза летчика тоже были странно пустыми... Он ничего не помнил и ничего не понимал... Видно, здорово стукнулся головой о землю при падении.

Его обследовали и отправили... в «дурку». Такое случалось во время боев, и с ума люди сходили, слишком велик был стресс. Он был тихий, спокойный пациент. Просто не помнил, что с ним было раньше.

Прошло года два... Было лето. Он прогуливался по двору, когда над домом довольно низко пронеслось звено истребителей.

– А ведь я летчик! – вдруг вспомнил он.

Но память к нему до конца не вернулась.

Директор «госпиталя» упросил знакомого начальника летной части прокатить своего пациента в ПО-2 над аэродромом. Тот пошел ему на встречу, посадил «больного» пассажиром и дал добро на взлет.

Самолет взлетел, сделал пару кругов над аэродромом, и пилот разрешил своему пассажиру взяться за штурвал. «Контуженный» взялся за «баранку»... и вдруг память вернулась к нему, он все вспомнил...

И такое бывает в жизни!

Эту историю я слышал от отца... Он у меня фронтовик, был тяжело ранен и много времени провел в госпиталях. Наверняка их пациенты и рассказывали там различные фронтовые истории... Одна из них запомнилась мне настолько, что я решил написать о ней, хотя в памяти моей сохранился только сюжет и несколько коронных фраз...

=====

БОРИС... ТЫ ЕЩЕ ЖИВ...

(эпизод в Доме на набережной)

Какое я имею отношение к «Дому на набережной»? Там жил мой младший двоюродный брат – Володя Иванов. И меня часто таскал туда мой средний брат Женька, которому хотелось съездить к отцу, но хорошо бы не одному.

Для нас, пацанов, это был обычный дом, только какой-то торжественно-мрачный, серый. Во двор мы никогда не заходили, т.к. парадное было с улицы. Мимо строгой «тетки в будке» на первом этаже мы пробегали, стараясь не разговаривать или Женька «кидал» иногда: – Мы к Ивановым...

Иногда я приезжал туда с родителями. На какой-нибудь праздник, например, «7 ноября» или День рождения отца Володи – моя мать была родной сестрой Володиному отцу. Тогда мы поднимались на 5 этаж на лифте.

Квартира была коммунальная. Ивановы занимали 2 смежные комнаты, обставленные казенной мебелью с бирками. В большой комнате даже стоял рояль, на котором, впрочем, никто никогда не играл. Комнату поменьше занимали дед и бабушка Володьки. Дед был небольшого роста пожилой человек, мало разговорчивый, но довольно приветливый. За празд-

ничным столом, произнося тост, любил вставлять строчки из своих стихов. Я в них как-то не вслушивался. А вот мой отец, тоже писавший стихи, любил поговорить с Борисом Ивановичем. Меня же больше интересовала гладкоствольная берданка 28 калибра, висевшая на боковой стенке шкафа. Бабушка Володи, Елена Яковлевна, всегда казалась мне какой-то суровой и нахмуренной.

Из большой ванной комнаты с окном, что было непривычно, было видно большое окно салона-парикмахерской, расположенного в выступающей части здания. Внизу – продовольственный магазин. Еще в коммуналке проживали то ли две, то ли три семьи.

Уже гораздо позже, став взрослым, я стал наслышан о том, что это был за «Серый» дом и о том, что там происходило во время Сталинских репрессий.

Дед Володи, оказывается, до 17 года участвовал в доставке в Россию газеты «Искра», а затем был главный организатор хлебопечения в стране, в доме его называли «Главхлеб» или «Главмука». Он даже приютил дочку репрессированных соратников, которая так и осталась жить у них в семье, пока ее мать не вышла из заключения.

Володя даже сейчас смутно что-то помнит. Мне о истории их семьи больше рассказала сестра Лена Гилева, которая была старше нас всех. А тогда, нам, пацанам, вообще ни до чего не было дела – лишь бы посмеяться, лишь бы пошуметь, лишь бы погулять, а попозже и с девочками пообниматься...

Но вот одна история запала мне в память и сейчас мне захотелось о ней рассказать. Это был маленький эпизод в жизни этой семьи, но какой же он был обычный в жизни страны, и какой чуть не ставший трагичным именно для них.

Дело в том, что этажом ниже их, какое-то время жила Светлана Алилуева, дочь Сталина. Не знаю, как часто Иосиф Виссарионович навещал ее, но дед Володи имел привычку спускаться вниз по лестнице пешком, а не на лифте.

И как-то раз, когда он как обычно спускался вниз по дороге на работу, он столкнулся на лестничной площадке со Сталиным...

Надо сказать, что они были, конечно, хорошо знакомы и, мало того, когда-то отбывали вместе ссылку и как-то в одних санях проделали путь из Туруханского края на призывной пункт. Еще тогда с ними в ссылке был и Свердлов.

Заметив Бориса Ивановича, Сталин то ли шутливо, то ли удивленно произнес:

– Борис... Ты еще живой...

Кому шутка, а кому и не до шуток...

Борису Ивановичу было, наверняка, не до шуток...

На работе он поделился происшедшим с Микояном и тот посоветовал ему срочно куда-нибудь уехать. Для замнаркома (?) это не было проблемой. Главное подальше, чтобы никто не знал (по возможности), по каким-нибудь своим производственным делам...

И, вроде, за ним приходили... Но, не застав на месте, как-то все потихоньку заглохло... а вскоре и Сталина не стало...

Вот такая то ли грустная, то ли жизненная история...

Со временем их коммуналку расселили. Мой брат с семьей и его мама, Галина Борисовна, получили по отдельной квартире в новом доме по Коломенскому проезду в одном подъезде, но на разных этажах. А затем их позвали обратно в «Серый» – как ветеранов этого дома. Но они уже обжились, и связываться с переездом не захотели.

А теперь в этой квартире в «Доме на набережной» «проживает мирный грек» – Хазанов...

=====

ПОДЖЕГ...

(когда мы были балбесами)

Раннего детства мы обычно не помним, но отдельные эпизоды все-таки в нашу память врезаются... Какие своей нелепостью, какие своим трагизмом, какие еще чем... У каждого они свои...

Один из таких нелепых случаев я и хочу вспомнить.

Сколько мне было тогда лет, что я не понимал, что делал? Три года? Четыре? Пять?

Но я помню день смерти Сталина! Вернее день, когда утром передали это трагическое сообщение. То ли нас так наставляли в детском саду, то ли в голосе диктора было столько трагизма... Но я заплакал... Мы тогда жили на Котельнической набережной в доме барачного типа с сараем, а напротив через Москва-реку стояла Сталинская многоэтажка. За нами строилось высокое красное здание с башенкой и шпилем.

Затем мы переехали в коммунальную двухкомнатную квартиру в Измайлово на 13 Парковую улицу, 4, где я пошел в школу №400 в первый класс. Значит, мне было 7 лет. Неужели в этом возрасте мы были такими безмозглыми, такими глупыми, что не понимали, что делаем? К сожалению, это так – судя по тому, что мы сделали...

Дом был с тремя подъездами и на каждый было по своему маленькому палисадничку. А за палисадниками стояла небольшая котельная с помещением для угля. Им она и топилась. Вот в ней все и произошло!

Ватага нашего дома была ребят десять. Так что несколько парнишек всегда были во дворе и воспитывали нас не столько родители и школа, сколько улица и друзья-приятели. Были и 3—4 девчонки, разбавлявшие нашу компанию.

Тем днем нас во дворе оказалось трое – я, Володька Егоров (сосед по квартире) и Женька Максимов (мой одноклассник, живший через дом дальше, но часто заходивший к нам во двор). Володька был на год моложе меня, но был шустрый и какой-то многоопытный (по сравнению со мной). Часто он и придумывал, чем бы нам заняться, куда сходить и во что поиграть.

Дело было к осени. Может быть слегка похолодало и Володька предложил развести костерчик – любимое занятие пацанвы. А где?

Во дворовых палисадниках на нас бы зашумели родители и соседи... Идти в лес? Я не помню, ходили ли мы туда одни в нашем возрасте... – А давайте в котельной, – предложил Володька.

Там нас не видно, двери-ворота обычно не запирались. Сначала хотели внутри на земле, но помещение было засыпано углем до дверей, видно недавно подвезли. Тогда мы слегка выровняли небольшую площадку и положили на нее небольшую фанерку – не на угле же разжигать. Насобирав прутиков, мы сложили их на фанерку и подожгли...

Неужели мы не соображали, что делаем? Судя по всему не понимали! И совершенно не представляли себе последствий. И только, когда костер разгорелся и затрещал, мы перепугались и... разбежались по домам... Из окна комнаты я видел черный столб дыма над котельной... Он и сейчас стоит у меня перед глазами...

Но пожар быстро заметили, вызвали пожарных и огонь затушили...

Конечно, участковый стал опрашивать жителей о происшедшем. Нас тоже спрашивали, в основном родители. Но мы с перепугу от всего открещивались... И родители, хоть и понимали, что это дело наших рук, нас не выдали.

Как-то потихоньку происшествие это заглохло и все забылось. Но, сейчас, зная о том, что творилось в стране в эти годы, я подумал, а чем бы это могло грозить нам, а особенно нашим родителям, случись такое года на два-три раньше?

Родителей бы обвинили в создании «подпольной» организации и совершению детскими руками теракта с целью подрыва ресурсов нашей любимой Социалистической Родины и отправили бы в «солнечный» Магадан. Нас бы раскидали по детдомам (в лучшем случае). Вот такой вариант можно предположить.

Лучше и не думать.

=====

М О Я А Р М И Я

ВСТУПЛЕНИЕ

Поскольку я написал, что призыв избавил меня от неприятных заданий на работе, я не мог не вспомнить о прохождении службы в ее рядах. И я решил написать рассказ о своей службе в рядах вооруженных Союза.

Поскольку я был призван после окончания вечернего отделения геологического факультета МГУ, мне, к этому времени, «стукнуло» 25 и, побывав уже в нескольких геологических экспедициях на Колыме и, будучи не юнцом, а взрослым парнем, я отнесся к призыву, как к очередному приключению. Тем более, что перед моим призывом вышел указ о новом сроке в 1 год для призывников, окончивших ВУЗы, в которых не было военной кафедры. А по окончании службы – присвоения офицерского звания «лейтенант». Интересно, что после прохождения мною службы, этот приказ был отменен. Так что мне повезло вовремя родиться!

Сейчас, оглядываясь на прошлое, я бы назвал службу как ряд нелепых... как бы это помягче сказать... курьезов, что ли.

КУРЬЕЗ – 1. Призыв. Дорога...

Начну с того, что по прибытию в военкомат, нашу группу пришедших отвезли на приемный пункт непонятно куда, где во дворе за высоким забором собралось человек 200—300 призывников. Жить и ночевать определили в здании, видимо, бывшей школы, где была столовая и большие комнаты с деревянными широкими лавками для ночлега. Кормили нас из алюминиевых мисок с алюминиевыми ложками какой-то жидкой баландой с перловкой, а каша была тоже перловая. Ни матрасов, ни одеял не было. Так что приходилось всю ночь ворочаться на этом жестком ложе.

Призывники 60-тых...

Каждый день приезжали «покупатели» – военные из различных частей Союза и отбирали из списков тех, кто им подходил по специальности. Кто-то, таким образом, уезжал, кто-то прибывал с новой партией призывников, но определилась некая группа, которую никак не разбирали. В такой группе находился и я. Покидать расположение призывного пункта было запрещено, но, кто поумнее и посмелее, перемахивал вечером через забор и сбегал на ночь домой. Утром они возвращались. А я, воспитанный в глупой серьезности происходящего, не решался на это, хотя переночевать дома на мягкой софе, да еще и с молодой женой было бы куда приятнее.

Так мы провели в ожидании минимум неделю... Собралась наша группа из таких невосребованных десятка два. Был даже один водолаз, уж его-то почему не брали, непонятно... Но вот, собрав всех скопом, нас выдернули из призывного пункта и погрузили в железнодорожные плацкартные вагоны. Поезд тронулся и колеса застучали... Я, будучи поопытнее молодняка, сразу забрался на верхнюю койку, где можно было рассматривать унылые пейзажи за окном и дремать, когда захочется, а не сидеть впритирку на нижних полках.

Покидать вагоны было запрещено. Двери были заперты. Состав, бывало, подолгу стоял на полустанках, пропуская встречные и попутные пассажирские и грузовые составы. Кормили нас из полевой кухни, куда за едой на всех бегали выделяемые сержантом наряды. Еда была тоже простецкая. Сержанты, сопровождающие нас, прошлись по вагону и собрали с каждого по рублю-полтора якобы на домино и шашки. И мы, по неопытности, сдали. А кто поумнее, сказали, что денег нет и от них отстали. Шашки, шахматы и домино были, оказывается, полжены нам, карты запрещены. Сержанты пустили собранные деньги на выпивку, а из наших

«умельцев» некоторые умудрялись на стоянке вылезти из окна и сбегать в ближайший магазин... Так что часть вагона была постоянно «навеселе».

Куда нас везут, нам не сообщали – военная тайна! Дело было в ноябре, но поскольку холоднее не становилось, мы поняли, что везут куда-то на юг. Деньги у призывников потихоньку кончались и тогда они стали продавать верхнюю одежду. На остановках под окнами вагонов вечно бродили какие-то мужики... И я тоже продал за 3 рубля свое осеннее полу-пальто, поскольку не было смысла возвращать его домой в Москву, как нам было обещано.

Но, наконец, нас выгрузили из вагонов и повезли в расположение части. Был поздний вечер, потихоньку стемнело, а нас построили на плацу и поскольку, видимо, не ожидали нашего приезда, продержали не нем часа два-три. Видимо, что-то не было подготовлено. Наконец всех отправили в баню и, забрав гражданскую одежду, выдали обмундирование...

КУРЬЕЗ – 2. В «учебке»

Утром нас подняли, выгнали «топлес» на зарядку, затем «взводам туалет и оправиться», умывание и завтрак.

Я заметил, что за забором стоит отдельно станция РЛС с большой антенной, а на заборе большой красный плакат «Наша часть первая засекала самолет-разведчик Пауэрс!» Было чем гордиться!

Затем прибывших стали распределять по специальностям. Оказалось, что это «Учебка» – Учебная часть, готовящая специалистов ПВО ракетных частей. Расположена она в небольшом городке Куляб под Душанбе. Срок обучения – 6 месяцев. Специальности – радио-техники и стартовики.

Из разговора с руководящими нами сержантами я понял, что элитная специальность – это стартовики и мне захотелось попасть именно туда, а учить морзянку в радио-технических совсем не хотелось. И, когда майор, к которому нас вызывали по списку прибывших и распределяющий нас по подразделениям, спросил, смогу ли я несколько раз подтянуться на турнике, я ответил, что «могу». Посмотрев на меня внимательней, он спросил:

- А «выжим силой» сделаешь?
- Сделаю.
- А «подъем переворотом»?
- Сделаю.

Он сделал какую-то запись в списке и вызвал следующего.

Так я попал в стартовое подразделение. Наше дело заключалось в принятии машины с двухступенчатой ракетой «земля-воздух» и перегрузку ракеты на стартовую установку, расположенную в открытом бетонированном окопе...

Подвоз ракеты к пусковой установке

Но до этого было еще далеко! Надо было нас научить маршировать и выполнять команды. На второй день нашего пребывания в «учебке» нашей ротой руководил один из сержантов, который показался мне парнем симпатичным, но каким-то недостаточно опытным, юным и «нежным». Разбив нас взводами по 4 человека, он стал командовать каждому: – «прямо», «направо», «налево», «кругом».

Получив команду «прямо», а я оказался впереди идущим, я зашагал вперед, а он, командуя другими, отвлекся и не заметил, что мы дошли до конца площадки... Я же, не получая дополнительной команды, приученный к строгому выполнению команд и не видя, что творится сзади, продолжил движение вперед, прямо через ограждающий площадку коротко подстриженный кустарник...

– Стой!.. Стой!.. – закричал нам сержант, сразу забывший про все команды.

Ракета «земля-воздух»

Его неопытность подвела меня и к крупной оплошности (очередному курьезу). Поскольку мы поздно легли, уже ночью, нас пожалели и уложили на второй вечер на час пораньше. Но инструктаж был какой-то слабый. Нам как-то недоходчиво юный сержант объяснил, что перед подъемом нужно сначала поднять сержантов, а затем состав роты. Назначенный дежурить на ночь дневальным «на тумбочке», помня сказанное нам на инструктаже: «Солдат

должен спать 8 часов» и хоть и видя, что в расписании стоит четкое время подъема, я, растерявшись, все же решил поднять состав. Зажег свет в казарме и заорал:

– Батарея, подъем!.. Батарея, подъем!

Все повскакали с коек, сержанты не понимая, что случилось, все же оделись быстрее всех и вывели состав на улицу для зарядки. Выяснив у меня причину раннего подъема, сержант, учитывая мою неопытность, сказал:

– Ладно! Лучше раньше, чем позже! Но в дальнейшем придерживайся расписания, а сержантов поднимай на 5—10 минут раньше.

И пошли дни занятий...

КУРЬЕЗ – 3. Обучение. Забег на 3 и 6 км.

Маршировку по плацу и физические комплексы, мы чередовали с занятиями в классе, постепенно изучая «теорию» – внутреннее содержание ракеты и принцип ее действия. Все было элементарно и совершенно непонятно, зачем нам это знать чисто практически.

Комплекс «Двина»

Наше дело было забежать в окоп, перевести ракету с машины на установку и убежать. И какие токи текут в этой ракете и куда, нам было практически наплевать. И если основной состав взвода крутил какие-то ручки перевода ракеты, то мне, как командиру взвода, было вообще нечего делать...

– Имитируй деятельность! – обучал меня сержант. – Забеги в окоп, оглядись, как бы проверяя, нет ли крупных камней в окопе, запрыгни на подножку установки и осмотри ее поверхность, не попало ли туда чего... На все про все норматив в секунды и надо успеть. Вот этот норматив мы и отработывали, до автоматизма...

Время от времени, назначенный на сутки дежурным (дневальным) по батарее, нам приходилось принимать и сдавать дежурство. Перед сдачей, мы мыли бетонные полы в казарме. Вымыть их было делом нехитрым – мочишь большую тряпку в ведре с водой и тащишь ее волоком за собой, как полотно. И не раньше это надо было сделать, и не позже... Сделаешь раньше, останутся разводы, а сделаешь непосредственно перед приемкой, проверяющий приходит, полы мокрые, а ждать у него времени нет...

Мое отделение (ребята-минчане)

Или вот, поручили нам как-то плац водой полить, чтобы не пылил. Выдали ведра, а водичка из крана у казармы течет тонкой струйкой. Пока ведро наполнишь, пока разбрызгаешь – он опять сухой. Я все недоумевал, почему воду в кране побыстрее не включить? Или, вообще, не полить плац из шланга? Потом согласился, правильно говорят: – Чем бы солдат ни занимался, лишь бы не сидел без дела...

И еще у меня была проблема – мне было тяжело бегать. Выдыхался быстро. Состав роты подобран был из ребят долговязых, на турнике они как сосиски висели, а пробежать километр им было делом плевым. А у меня все наоборот и в шеренге при построении я стоял почти последним. Так что, по началу, во время утренней километровой пробежки вокруг стадиона, после комплекса физических упражнений, я просто срезал углы по стадиону. Но к концу учебы я все же потихоньку втянулся.

И все бы ничего, но в середине срока учебы положено было пробежать 3 км с полной выкладкой и оружием, а потом сдать зачетом на время по нормативу. Я сразу понял, что не смогу пробежать... А прибежать к финишу нужно было группой, не рас-тягиваясь. Так что, пробежав половину расстояния, я повернул обратно. Ребята до-бежали до поворота назад, догнали меня и перегнали... Они даже забрали у меня СКС. На финише я долго не мог отдышаться, в горле просто огнем полыхало, так горело...

На плацу. Построение.

Но как сдать зачет? И тогда я придумал сходить в медсанчасть и пожаловаться на головные боли от нагрузок. И получил справку об освобождении от физических нагрузок.

Но как сдать 6 км? От подготовительной пробежки я как-то открутился, а когда стали сдавать зачет, отбежав с километр от части, я «нырнул» в овраг... Недалеко впереди увидел еще две торчащие в овраге головы... Дождавшись своих, выскочил из оврага и, присоединившись к последним из группы и взяв у них два карабина, добежал до финиша.

КУРЬЕЗ-4. Карабин 5.6 мм.

В процесс обучения входили упражнения с карабином и стрельбы.

Карабин 7.62мм

Знающий толк в оружии еще по экспедиции, где на время полевых работ, мне выдавали боевой карабин калибра 7.62 мм, я не мог относиться к положенного мне в учебке карабина СКС калибра 5.6 мм безразлично.

Бердана калибра 10.8мм

Я даже нашел как-то в Верхоянье бердану калибра 10.8 мм, оставленную прямо на земле на временной стоянке каким-то местным оленеводом или охотником.

Такие винтовки были на вооружении царской армии во время войны с Турцией. Затем их сменили «мосинки». Приклад от времени был серый, высохший и легкий, а затвор было не вынуть. Ствол с затвором я отмочил в керосине, а приклад покрасил и покрыл лаком. Гильз не было. Но один из геологов, имевших такую, сказал, что с ней можно смело на медведя в кустах ходить. И научил, как переделать гильзы охотничьего карабина 8.2 мм под берданочные. Я отлил 32 граммовые пули и мы испытали ее, привязав, на всякий случай, веревочкой за курок. Дернул... Все в дыму... Порох-то дымный... Но все в порядке, работает...

Выстрелил просто в галечную косу, так целая борозда осталась... Мощная штука! Но гильзы плохо вынимались и надо было поработать «притиром» в патроннике. Я и при-

тир достал, но руки-то тоже нужно умелые иметь, и навык работы с ним. Короче, с расточкой патронника ничего у меня не вышло. И от греха подальше, чтобы у меня не возникло неприятностей, я просверлил дырку в патроннике снаружи. Теперь можно было хоть на стенку на ковер повесить. Красивая, все-таки, вещь!

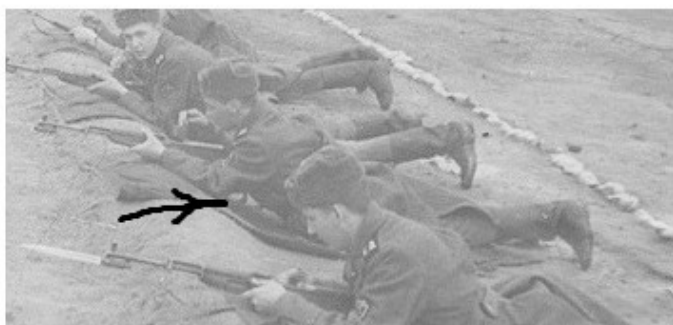
СКС был настолько красив, прикладист, легок и удобен, что мне было даже жаль громко стучать прикладом об асфальт плаца, как этого требовал сержант.

СКС 5.6мм

Громко стучать нужно было для наглядности и форса, а я все боялся, не треснет ли приклад от такого стука... В оружейной комнате мы постоянно разбирали и собирали затвор, смазывали его и ствол маслом и я все удивлялся его конструкции – какие-то болванки с пружиной внутри... Раз, два и разобрал. Раз, два и собрал.

А точности и кучности боя я поразился на стрельбах, куда нас вывозили пару раз за полгода. Я стрелял хорошо и на стрельбах в тире от экспедиции держал третье место. А здесь я с легкостью и без усилий поразил мишень в «яблочко». Жаль, патронов выдали всего штуки три... я бы еще пострелял.

На стрельбах...

КУРЬЕЗ – 5. С кинокамерой...

А еще, в порядке политпросвещения и воспитания в любви и гордости за Родину и Армию, нас выводили в клуб городка для просмотра художественных фильмов.

Это дело я любил, сам был киноманом и фильмы, как ни странно, показывали довольно интересные. На мой взгляд, конечно.

Так, если многие я уже видел, но смотрел с интересом, мне запомнился, например, фильм «Белый взрыв» о выполнении боевой задачи в горах во время Великой Отечественной. В главных ролях были молодые Гурченко и Никонов. А впечатление было такое, что, по непонятным причинам, такой патриотический фильм долгое время пролежал «на полках».

Я сам как-то в экспедиции снял любительской 8 мм камерой фильм о полевой жизни геологов и назвал его «Геологи на Колыме». Получился фильм хоть и не очень качественный, но довольно внятный и с нехитрым сюжетом. Захотев показать его своим сослуживцам, я попросил жену прислать мне катушки с пленками. И вскоре получил посылку.

Взяв у ребят из радио-технической роты, а она располагалась в соседней зале казармы, киноаппаратуру и, пригласив всех желающих, я показал в классной комнате фильм всем собравшимся. Кассеты затем убрал в тумбочку у кровати.

Дело в том, что с нас собирали иногда по рублю и покупали какую-нибудь нужную, но дорогую вещь. Телевизор, например. А командир радио-технической роты, капитан, собрал со своей роты по рублю на эту киноаппаратуру и снимал свою роту на занятиях и учениях.

И вот, будучи как-то дежурным по батарее, он прошел с обходом по казарме, проверяя заправку коек и содержимое тумбочек. Ничего лишнего в них держать не полагалось, только умывальные принадлежности.

А тут кассеты с кинопленкой! Уж не диверсионный ли пропагандистский материал?

Он забрал их и просмотрел. Вечером вернул и сказал, что держать лишнее не положено. И я отправил кассеты домой. но скоро случился какой-то праздник, на котором наша «учебка» должна была промаршировать по центральной части города, показывая выучку, боевой дух и слаженность – в честь знаменательной даты.

Любительская пленочная кинокамера

И капитан, вручив мне кинокамеру, поручил запечатлеть на киноплёнку процесс парада с упором на свою роту. И я без стеснения, как заправский кинооператор, запечатлел этот процесс, начиная с выхода роты из ворот части, затем строевой шеренги на центральной площади и, после торжественного митинга за мир и дружбу между народами, строевого марша с площади обратно в часть!

Выход из ворот части...

Жаль только одну кассету дал, я бы побольше снимал!

КУРЬЕЗ – 6. ПРИЕМ В КОМСОМОЛ...

Вспомнилось еще, как меня в комсомол приняли.

Я и пионером-то был никаким... Мама моя тогда в универмаге работала и выбрала для меня великолепный шелковый красный пионерский галстук.

Шелковый пионерский галстук

И вот прием... Линейка... Нам торжественно повязывают галстуки... И мне повязали галстук... какой-то сатиновый грубый в пятнах... А мой, оказывается, какому-то дядьке из гостей повязали. Мне тогда этот пионерский «энтузиазм» как палкой отшибли...

А о комсомоле, это уже в старших классах, мне и не предлагали. Видно, чувствовалась во мне какая-то бедовость, какая-то червоточинка. Хотя я сам себя считал очень спокойным, послушным и исполнительным.

Помню фразу нашей учительницы-зауча школы (сейчас колледжа) №348 на Бауманской (возле Елоховской церкви): – У нас в школе два бандита, один закрытый Гершвильд, другой открытый – Музис.

Я тогда так и не понял, за что она нас таким эпитетом наградила.

И вот Армия, учебка. И выясняется, что в подразделении есть великовозрастный 25-летний детина, да еще и с МГУ-шным высшим образованием... и не комсомолец.

Парнишка секретарь комсомольской организации как-то подошел ко мне и предложил вступить. Я думаю, в армии тоже гордились тем, что кого-то в комсомол принимали – на грудь значок, а себе галочку. А мне это зачем? И срок пребывания в комсомоле до 25-ти.

– Мы тебе домой поздравительное письмо пошлем, – добавил он.

Этим меня и купил – я как представил, что жена официальный конверт из Армии получает, где в первой строчке: – Уважаемая Екатерина! Извещаем Вас, что ваш муж, Музис Виктор Анатольевич...» Что бы тут можно было подумать? Уж не похоронка ли это пришла?

Вот такой черный юмор у меня...

Я потом спросил ее о письме, когда демобилизовался. Но мне показалось, что она так ничего и не поняла. Ну, приняли и приняли...

КУРЬЕЗ – 7. Сдача крови. Отпуск

Как-то нас построили на плацу и объявили, что весь состав учебной части должен добровольно сдать по стакану крови на благо Родины. Медики приехали к нам в часть и процедуру эту проводили у нас, маршировать никуда не пришлось. Было немного страшновато. Все мы побаивались уколов. Но шеренга за шеренгой подходили к пункту сдачи и по очереди, с подрагивающими коленями, входили в приемную.

Юный сержант даже упал в обморок... Но на миру и смерть красна! И я вошел, стараясь не показывать страха. Лег на кушетку и протянул руку... Все оказалось безболезненно... Народу было много и врачи еле успевали... Подойдя ко мне, они заметили, что с меня накапало даже больше, чем положено... Иглу сняли, я поднялся. Почувствовал только какое-то тепло в организме. В комнате на выходе нам дали по стакану сладкого чая с печеньем и освободили на день от физических нагрузок.

Я понимал, что сдача крови очень нужна медицинским учреждениям, но где они брали такое количество, чтобы обеспечивать всех нуждающихся, просто недоумевал. Ведь никаких доноров не хватит. Теперь понимаю! Армия снабжает!

Можно еще рассказать, как я съездил в отпуск... Причина прискорбная!.. Меня вызвали в администрацию и показали телеграмму о смерти моего младшего брата... я даже растерялся.

Не буду вдаваться в подробности, но происшествие это явилось даже каким-то облегчением в его судьбе...

В штабе полка я получил командировочное на 10 дней, авиабилет и суточные. Приученный к различным перелетам на работе, я без труда долетел до Москвы, но на похороны, как оказалось, опоздал. Отпуск есть отпуск, да еще в самый холодный месяц для Таджикистана, мне только в радость...

А вот без очередного курьеза и здесь не обошлось. По прилету, я поехал в центральный военкомат, чтобы отметить командировочное удостоверение. Одевать шинель мне не хотелось и поверх форменного костюма я одел пальто и пыжиковую шапку. Точного расписания работы военкомата я не знал и, оказалось, приехал ко времени закрытия... Приемщица очень удивилась, что я не в форме и заметила, что мне повезло, что дежурившего патруля уже нет. За нарушение формы я легко мог попасть на гауптвахту. А военный патруль и гауптвахта Москвы славились своей жесткостью – придраться могли и к пустяку. Так что мне нечаянно повезло...

А вот при закрытии командировочного мне пришлось деться в гражданское уже сознательно: уже одевшись, я никак не мог найти свой солдатский ремень и пришлось опять надеть пальто и ехать опять к закрытию... И мне опять повезло!

Приученный уважать дисциплину, я приехал в часть точно в срок. Но, как я понял, если бы я опоздал на пару дней, никто бы на это внимания и не обратил бы.

А приехав в «учебку», я удивился, что наша рота на занятиях изучает все тот же раздел методического пособия, что и при моем отъезде.

Но в конце пособия мы должны были изучить электрическую схему действия ракеты и это оказалось действительно сложно. Понять, а, главное, запомнить как, откуда и куда текут токи, по каким переключкам они переключаются и какие предохранители от чего предохраняют... это было невозможно... Мы сидели над схемой месяц и зубрили, зубрили, зубрили. А ведь нам экзамены сдавать! По всему пройденному курсу! Сержант понимал это и, поэтому, откровенно сказал нам:

– Главное, отвечайте бойко, а в схему быстро тыкайте указкой «наобум-лазаря», все равно никто ничего не поймет и придраться никто не будет.

Моя рота

Так и было! И по практике, и по теории я получил «отлично». Особенно хорошо у меня получался «подход» и «отход» к начальству – четкий строевой шаг, отдача чести, разворот. Но вот обучение закончено и нас развезли по боевым гарнизонам!

КУРЬЕЗ – 8. В гарнизоне

Меня направили в гарнизон в поселке Кок-Су в Таджикистане. Не успел я еще слезть с грузовика, как несколько солдат из гарнизона, запрыгнув в кузов, сняли с меня пилотку и ремень... В каптерке старшина, вытряхнув мой дорожный мешок, с удовольствием забрал мою «сменку» – рабочую гимнастерку с отложным воротничком времен Великой Отечественной – она пользовалась большим спросом у дембелей и ее выпрашивали у нас на всем протяжении дороги, где мы останавливались для пересадки... «Парадный» костюм он повесил на вешалку и больше я его не видел – тоже прибрал к рукам кто-то из дембелей.

Встретивший нас майор заметил: – Накаченные ребята... – и добавил, – осваивайтесь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.